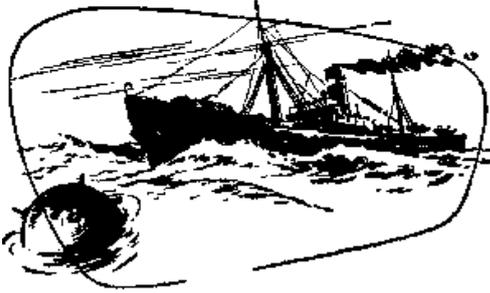

ЛЕВО НА БОРТ!

рассказ

Предстояло еще зайти в бухту Гавань на Холодной Земле.

Гавань — одно из красивейших мест Арктики.

Горы, видневшиеся раньше на горизонте и похожие на тучи, теперь стали подниматься, расти. Мы приближались к последней полярной земле на нашем пути.

Мой приятель Нетаев был свободен от вахты. Мы договорились вместе съехать на берег.

Корабль подошел уже близко к суровым скалистым горам, седым от снега.

У их подножия приютилась бухта Гавань.

У входа в бухту — черный каменный остров, природный сторожевой форт. Чуть левее его над поверхностью моря взлетают белые столбы пены. Здесь невидимые камни, о которые разбиваются волны.

Борис Ефимович мог бы быть лоцманом в любой бухте Севера. Он уверенно проводит корабль узким, ничем не отмеченным фарватером.

Фонтаны взмывают вверх почти под самым бортом. Черные камни показываются из воды, словно морские звери. Лишь на мгновение видны их лоснящиеся тела.

Могучие серые скалы, голые, неприступные. Растительности никакой. Налево, на берегу, домик фактории, направо полярная станция.

От берега отчалил маленький береговой катер и идет к нам навстречу.

Но что это за пестрая цветная полоса сползает к морю из расщелины?

— Это ледник, — объяснил мне Нетаев.

Какой странный ледник! Он не похож ни на один из гладких, покрытых снегом ледников, встреченных нами раньше. Только в местах, где отламывался айсберг, виднелся зеленоватый излом льда.

— Мы посмотрим поближе, — пообещал Нетаев.

Катер отвез нас на узкую косу, отделяющую большую бухту от малой.

Вместе с Нетаевым мы отправились к леднику — он сползает в малую бухту. На неглубоком снегу оставались наши следы.

Поднявшись на косу, мы увидели бухту и... удивленные, остановились. Что это?

На спокойной воде плавали странные льдины. Они были самых неожиданных цветов — зеленые, ярко-синие, голубые, белые, даже черные. Форма льдин была столь же необычна, как и цвет.

Эти диковинные льдины заполняли тихую бухту, неведомо откуда появившись в ней.

— Отламываются в воду плиты ледника, — сказал мне Нетаев.

С нашего возвышения был хорошо виден весь ледник: издали он казался ребристым, как батарея парового отопления. Он весь состоял из вертикальных, неровных, смерзшихся между собой плит разной окраски. Пестрая ледяная река сползала с горы.

Подойдя ближе, мы увидели свисавший над морем конец ледника.

Раздался гулкий удар.

— Ледник «отелился», — сказал Нетаев.

Одна из вертикальных плит отломилась и упала в воду. На мгновение вновь рожденный ледяной «теленочек», как говорят полярники, нырнул и снова появился на поверхности.

Некоторые цветные льдины прибило к берегу. Мы с Нетаевым с любопытством рассматривали их. Они состояли из прозрачного, как воздух, льда и вблизи не имели такого цвета, как издали. Но в самом льду можно было рассмотреть множество крупинки, по-видимому, разноцветного песка. Они-то и придавали ледяным глыбам неожиданную окраску.

— Чудеса, — качал головой Нетаев. — Похоже, что ледник, там, сверху... вроде как из разных ледяных струй сливается.

— И каждая струя своего цвета?

— Может быть, каждый ледяной ручеек по разноцветным глинам проползает, вот крупинки-то и попадают в лед. Смотрите, — и Нетаев показал мне на льдину, которую мы только что рассматривали.

А я смотрел на Нетаева. Его голубые глаза были радостно расширены, лицо улыбалось.

— Я для того и моряком стал, — неожиданно сказал он, — чтобы чудеса эти видеть. Люблю море. Но еще больше люблю берега. Чего только не увидишь на них! Вот и вы за эту навигацию насмотрелись... А я всю жизнь плавать буду. И не просто берега буду видеть, а увижу, как они станут меняться. Скажем, здесь курортную гостиницу выстроят. Наверняка буду водить сюда пассажирские пароходы с туристами со всего Советского Союза! А на той стороне бухты, может быть, завод какой-нибудь или рудник построят.

Вместе с Нетаевым мы шли обратно к причалу, где катер уже ждал нас. Я приглядывался к своему спутнику. Прежде мне казалось, что моряки обязательно любят штормы, ветры, море... Но вот, оказывается, они могут еще любить берега.

— Или еще Камчатка! Удивительная страна, — продолжал Нетаев. — Там я видел, как зимой среди снега... трава растет. Около горячих ключей! Или взять хотя бы уссурийское побережье. Ну, знаете... Я и в Индии бывал, когда «Сухуми» из Архангельска во Владивосток перегоняли... Представьте, в Уссурийском крае и индийские деревья и наши сосны рядом растут. Даже растения наши — и те дружат. А какие там сейчас города! Вы в Комсомольске не бывали? А возьмите Сахалин! Ох, и богатство! А Владивостокскую бухту знаете? Город весь амфитеатром... и отражается в бухте Золотой Рог!

Я никогда не слышал, чтобы Нетаев, всегда скромный и молчаливый, так увлеченно говорил.

Когда корабль выходил из бухты Гавань, я смотрел на пустынные берега, и мое воображение рисовало красивые многоэтажные отели, а

напротив — заводские трубы и причалы с портовыми кранами. Будет все это! Непременно будет!

Горы Холодной Земли удалялись и скоро слились с волнистым горизонтом.

«Георгий Седов», покрыв за одну навигацию свыше полутора десятков тысяч километров, побывав в ряде труднодоступных районов, возвращался в Архангельск.

Моряки вспоминали о доме, о женах и детях. В каютах перебирали чемоданы.

Осенние бури в Баренцовом море — страшные бури.

Корабль давно качало. Полярные моряки, как я уже знал, в таких случаях пользуются близостью льдов. В них можно спрятаться от сильной качки. В Баренцовом море льдов не бывает, и укрыться там негде.

Наш корабль сразу, казалось, уменьшился в объеме. Волны поднимались выше капитанского мостика.

Начинался шторм. Дул холодный ветер. Температура резко упала.

Я провел беспокойную ночь. В каютах койки обычно располагают перпендикулярно борту. Тогда боковая качка не сбрасывает с койки. Но я жил в салоне капитана и спал на диване, который не был на это рассчитан. При каждом крене мой диван наклонялся, и я едва удерживался на нем. Приставить стул нечего было и думать. Стулья вместе с чемоданом гуляли по каюте, как хотели. Я устал воевать с ними и махнул на них рукой.

Капитан в мокром брезентовом макинтоше заглянул ко мне и научил, как надо спать в шторм. Лежать можно только на животе, расставив локти и ноги. Я попробовал лечь так, как посоветовал капитан, и почувствовал себя устойчивее.

На стене качался маятник. В необычайном для маятников размахе он медленно отклонялся то в одну сторону, то переходил через вертикальную черту и, почти поднимаясь по стене, откачивался в другую. Он словно принадлежал каким-то необычайно тихоходным часам. Это был прибор, указывающий крен корабля.

Крен был поразительный. Он доходил до сорока пяти градусов.

Утром, измученный, я выбрался на палубу.

Ветер дико свистел. Стоять, не держась за что-нибудь, было нельзя. Я схватился за первые попавшиеся поручни. Они были покрыты льдом. Слой льда лег на все: крыши ларей, стоявших на палубе, реллинги, вентиляционные трубы. Покрыты льдом были и снасти и сами мачты. Наш обледеневший корабль, ежеминутно окачиваемый водой, которая тут же замерзала, тяжело переваливался с боку на бок.

Было очень холодно, я вернулся в каюту, чтобы одеться потеплее.

Выйдя вновь, я заметил толстый трос, тянувшийся над палубой. Раньше я его не замечал. Потом я сообразил, что это антенна, покрывшаяся льдом. Едва я подумал, какая тяжесть висит на проводе, как огромная волна ударила в борт, окатила меня с ног до головы. Пена разбилась о пароходную трубу, что-то звякнуло, по палубе словно стекло рассыпалось.

Взглянув вверх, я увидел, что антенны больше нет... Она порвалась.

Я хорошо знал, что значит радио для корабля. Лишенные антенны, мы, носясь по штормовым волнам, потеряли уши и голос.

Радист Иван Гурьянович, в своем неизменном щегольском кителе, выскочил из радиорубки. Он посмотрел наверх. Его глаза тревожно забегали.

Я прошел на палубную надстройку, чтобы подняться на капитанский мостик.

Ветер ударил, навалился на меня. Я вцепился в протянутый вдоль палубы штормовой канат.

Двигаться можно было только перебирая руками по канату. Я совершенно вымок, пока добирался до трапа, чтобы подняться на мостик. Ступеньки трапа проваливались подо мной. Я чувствовал, что мое тело теряет вес, будто я нахожусь в клетке шахты, сорвавшейся вниз.

На мостике капитана не было. На вахте, накрывшись брезентовым плащом, стоял Нетаев.

Было странно, что Бориса Ефимовича не было здесь. В такие минуты он всегда на посту. Неужели он теперь настолько доверяет своему

штурману? Невольно вспомнилась первая вахта Нетаева, когда мы с ним пересели на «Георгия Седова». Корабль тогда проходил через льды. Помню, как капитан, взбешенный неловким ударом о льдину, разносил Нетаева и показывал ему, как надо вести корабль.

— Право на борт! Не спите! — кричал он тогда рулевому непривычно сердитым голосом.

Я посмотрел на рулевую рубку. Всех рулевых я знал в лицо. Моряк, стоявший за штурвалом, показался мне незнакомым. Но в следующее мгновение я узнал его.

Это был капитан. Не доверяя никому, он сам стоял вместо рулевого.

Вскоре я понял, чем это было вызвано.

Корабль не слушался руля. Нужно было особое искусство, чтобы как-нибудь справиться с наполовину потерявшим управление судном.

По трапу взбежал радист в мокром кителе и доложил капитану о потере радиосвязи.

— Вот беда-то... — сказал капитан... — Только вы, голубчик, не вздумайте в такую качку на снасти лезть.

— Но ведь нас потеряют! Подумают, что погибли. Вы разрешите, Борис Ефимович... — настаивал радист.

— Нет! Запрещаю! Конечно, там в штабе поволнуются, но я жизнью своих моряков рисковать не буду. Вот выйдем из шторма...

Огорченный радист ушел, широко расставляя ноги, чтобы не упасть.

— Снасти-то обледенели, а мачту раскачивает. Вы только поглядите... — словно оправдываясь, сказал мне капитан. — А нам из этого района нужно полным ходом, ни минуты не задерживаться...

Он пристально смотрел вперед, все время поворачивая колесо штурвала то в одну, то в другую сторону.

Чтобы не мешать капитану, я подошел к Нетаеву.

Молодой штурман обменялся со мной быстрым взглядом, указав глазами на рулевую рубку. Никогда в жизни он не нес вахты с таким квалифицированным рулевым, которым не приходилось командовать.

Кстати сказать, в дореволюционное время Борис Ефимович много лет плывал простым матросом. Только в годы советской власти он стал командиром корабля.

Вдруг Нетаев бросился вперед, вцепился руками в реллинги!

— Лево на борт! — громко закричал он.

Удивленный этим окриком, капитан все же стал быстро перебирать рукоятки штурвала. Он повиновался команде.

— Еще лево! Быстрее! Не спите! — громко командовал младший штурман.

По всей фигуре капитана, по его быстро действовавшим рукам я понял, каких трудов стоило ему повернуть корабль, винт которого то и дело оказывался в воздухе.

Я посмотрел вперед, куда неотрывно вглядывался Нетаев.

На гребне волны, перед самым носом корабля, я увидел плавающую мину. Немецкая! Со времени войны затерянная в волнах!

Шарообразная, с шипами ударников, торчащими в разные стороны, она казалась необычным морским животным, всплывшим на поверхность.

— Мина! Лево на борт! Лево! Лево! — кричал штурман.

Он схватился за рукоятку машинного телеграфа:

— Стоп! Полный назад! Полный назад! Право руля! Не спите! Черт возьми! Право на борт!

Мина была под самым носом корабля. Кто знает, откуда сорвало ее, сколько времени носилась она по волнам, чтобы встретиться сейчас с нами в десятибалльный шторм, когда корабль не слушается руля.

Нос корабля оказался чуть левее мины... Но она заденет о борт, заденет!

— Полный назад! Давай полный назад! — закричал из рулевой рубки капитан.

Но штурман уже сам успел дать эту команду в машинное отделение.

— Право на борт! Теперь право на борт! Быстрее! — в свою очередь командовал он.

Волна подбросила мину. Она поворачивалась... Ее шипы походили на обрубленные щупальца.

— Стоп! Полный вперед! — передвигал рукоятку машинного телеграфа Нетаев. — Лево на борт! — крикнул он капитану.

Мина прошла под самым бортом корабля. Я бросился к боковым реллингам, перегнулся через них и смотрел на страшный шар, мысленно измеряя расстояние до него.

Нетаев, тоже перегнувшись через реллинги, стоял рядом со мной. Он достал платок и стал вытирать мокрый лоб.

Мина была уже у кормы.

Капитан, передав штурвал рулевому, подошел к нам.

Нетаев вытянулся. Лицо его покрылось румянцем.

— Извините, Борис Ефимович...

— Ладно, — махнул рукой капитан. — Молодец! Где радист? Дать сюда радиста! Боцмана сюда, он у нас лучший верхолаз.

Радист мигом предстал перед капитаном.

— Антенну! Чтоб через четверть часа была антенна!

— Вы же сами запретили, Борис Ефимович!

— Лезь на мачту, закрепляй, как хочешь, но чтоб была антенна. Я сам по вантам полезу.

— Что вы, Борис Ефимович... позвольте мне, — вмешался Нетаев.

Радист, капитан, боцман и еще несколько моряков взялись за восстановление антенны. Капитан сказал:

— Надо сообщить о мине тральщику. Тральщик недалеко от нас шел. Он должен ее найти и уничтожить. Сейчас радио нужно не нам, а всем кораблям, всем, кто в море с проклятой миной может встретиться... И радио должно быть!

Пятидесятилетний капитан с поразительной ловкостью забрался по обледеневшим вантам. Мачта, за которую он уцепился, наклонялась во все стороны. Ее верхушка с прилипшей к ней фигуркой описывала огромную дугу, оказываясь над волнами то с одного, то с другого борта корабля.

Пока Борис Ефимович и помогавший ему радист висели на обледеневших снастях, натягивая антенну, Нетаев по приказу капитана держал корабль в виду мины.

Я забыл о качке, о ветре, о холоде, с тревогой наблюдая за рискованной работой моряков.

Наконец капитан опустил на палубу, радист бросился в радиорубку.

— Давай тральщику пеленг — пусть идет сейчас же к нам, плюет на волну!.. — кричал ему капитан. — Вот теперь надо согреться, — сказал он мне своим обычным приветливым голосом.

Мы сидели в его каюте. Одеревеневшими, синими пальцами капитан набил трубку, закурил и налил себе стакан коньяку.

Он затянулся дымком, потом выпил до дна весь стакан, зажмурился, открыл глаза и тихо, как бы показывая фокус, выпустил клуб дыма...

— Вот это по-полярному... А теперь пойдём к штурвалу, — сказал он и поднялся на мостик, чтобы снова сменить рулевого.

Вызванный по радио тральщик подошел к нам через два часа. Все это время наш корабль делал круги вокруг мины, словно карауля ее. Всякий раз, когда, поворачиваясь, корабль становился бортом к волне, я думал, что мы перевернемся. Маятник, отмечавший крен корабля, показывал что-то невероятное. Кунгас сорвало и унесло в море. Катер «Петушок» еще стоял на месте, матросы укрепляли его.

Взлетая на волнах, маленький тральщик приближался к нам. Капитан дал приветственный гудок. Он передавал тральщику найденного опасного зверя.

«Георгий Седов» взял прежний курс на юго-запад. За нашей кормой мы видели тральщик. Он подкрадывался к мине.

Вдруг раздался взрыв. Над темными волнами взвился куст черного дыма.

— Готово! — облегченно сказал Борис Ефимович, перебирая ручки штурвала. — Радист! Иван Гурьянович... ты как? Согрелся? Тогда пошли приветственную телеграмму военным морякам. Спасибо передай от всех

полярных капитанов. Ну, а мы, — обратился он ко мне, — пойдем в кают-компанию на последний наш вечер «Северного Декамерона».